

*Ольга Голубенко
(Калининград)*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

Исследуется семантика русских и литовских фразеологизмов-зоонимов, проводится их семантическая и структурная систематизация. Выявляются лингвокультурологические особенности устойчивых сочетаний, содержащих компонент-зооним, в языковой картине мира носителей исследуемых языков.

Ключевые слова: *зоонимный компонент, семантическое содержание, фразеология, русский язык, литовский язык, картина мира, идеографическое описание.*

В настоящее время большой интерес исследователей вызывает сопоставительное изучение языковой картины мира носителей того или иного языка. «Знание различий между языками, — отмечает В.Г. Гак, — позволяет преодолевать языковую интерференцию: влияние одного (родного) языка при пользовании другим языком. Кроме того, оно дает лингвистическое обоснование закономерностям перевода. К тому же сопоставление имеет немаловажное значение не только для их практического изучения (оно заставляет вникать в самые тонкие оттенки родного языка), но и для развития

теории этих языков, способствует более глубокому анализу лингвистических явлений сопоставляемых языков» [1, с. 6]. В области фразеологии проявляется наиболее тесная связь языка и культуры. Фразеологизмы представляют собой национально-специфические единицы языка, «аккумулирующие и передающие из поколения в поколение культурный потенциал народа. В них проявляются особенности всякого национального языка... неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации» [3, с. 157].

Генетическое родство славянских и балтийских языков определяет значительное сходство между данными языковыми системами. Русский и литовский языки на протяжении веков сосуществовали в непосредственной близости, в том числе и вследствие этого в их структурах на всех уровнях наблюдается немало общего.

Сравнительный анализ лексических систем вышеуказанных языков в целом не является новой задачей для русского и литовского языкознания (см., например, работы И. А. Стернина, Д. Эйгирдене, Й. Русецкой, В. С. Дротвинаса), однако не все стороны процесса формирования и функционирования русских и литовских фразеологизмов исследованы в достаточной мере.

Весьма интересной в этом отношении выступает лексико-грамматическая группа, которую составляют фразеологизмы с компонентом-зоонимом, поскольку они составляют важный пласт лексики русского и литовского языков, отражающий национально-специфические и общечеловеческие категории культуры. По нашим подсчетам, около 70 зоонимов с различной степенью активности участвуют в образовании фразеологизмов в русском языке и около 90 — в литовском языке.

Фразеологизмы-зоонимы в русской и литовской языковых картинах мира отличаются особой природой ассоциаций, базирующихся на глубинной связи оценочной семантики с биологическими признаками животных. Это обусловлено характеристикой человека как живого существа (здоровье, физические возможности и состояния, внешний облик, фазы человеческой жизни, потребности, движения); как разумного существа (черты характера, эмоции и чувства); как общественного существа (отношения в обществе, деятельность, игры). А. Гудавичюс, сопоставляя русский и литовский языки, затрагивает непосредственно проблему антропоцентрического переноса и рассматривает в качестве собственно языковых культурно-значимых элементов те, которые общеприняты, закреплены в языке (зафиксированы в лексикографических источниках) и отчетливо осознаются членами данного языкового коллектива [2]. Исследователь выделяет следующие группы соот-

ветствий: 1) переносные значения эквивалентных зоонимов полностью совпадают — лит. *asilas* = рус. *осел* — «глупый, тупой, упрямый человек»; 2) переносные значения совпадают частично — лит. *avinelis* = рус. *ягненок* (общее значение «тихий, кроткий человек» + «глуповатый»); 3) переносные значения не совпадают: лит. *paŗšas* «незрелый, мало смыслящий человек» ≠ рус. *поросенок* «ребенок-неряха, замарашка».

Отметим, что активность использования того или иного зоонима в русских и литовских фразеологизмах не всегда одинакова. При формировании значений устойчивых сочетаний с компонентом-зоонимом основополагающую роль играют поведение, повадки, привычки животных. В составе фразеологизмов и в русском, и в литовском языке преимущественно используются наименования домашних животных. При этом наиболее часто в обоих языках формировались в качестве основных компонентов фразеологизмов названия таких домашних животных, как *коза* (*oŗka*), *кошка* (*katė*), *собака* (*ŗuo*), *курица* (*viŗta*), *петух* (*gaidys*), *лошадь* (*arklys*), *заяц*, *кролик* (*kiŗkis*), *волк* (*vilkas*), что объясняется их тесным контактом с человеком.

В ходе сравнительного анализа устойчивых выражений русского и литовского языков можно выделить четыре основные группы фразеологизмов по лексико-семантическому составу:

1. Фразеологизмы, одинаковые по значениям и компонентам-зоонимам, входящим в состав фразеологической единицы.
2. Фразеологизмы, одинаковые по значениям, но различные по компонентам-зоонимам.
3. Фразеологизмы, разные по значениям, но одинаковые по компонентам-зоонимам.
4. Фразеологизмы, различные и по значениям, и по упоминаемым в их составе компонентам-зоонимам.

Первая группа фразеологизмов — это эквивалентные сочетания, тождественные по лексическому составу и смысловому наполнению. К ним можно отнести следующие фразеологизмы:

— рус. *как собаке пятая нога* — лит. *kaip ŗuniui penkta koja* «несколько, совершенно не нужен (не подходит и т. д.): «И на кой мне черт вас в роту прислали? Нужны вы мне как собаке пятая нога» (Курпун. Поединок); «*Tas ŗvarkas jam tiko kaip ŗuniui penkta koja*» (Gavelis. Sun-Tzu gyvenimas ŗventame Vilniaus mieste);

— рус. *псу под хвост* — лит. *ŗuniui ant uodegos* «впустую, напрасно»: «*Два года работы... Два года вдохновенья псу под хвост*» (Николаева. Талант); «*ŗmona su vaiku, darbas, namai, draugai, sveikata, gyvenimas — viskas ŗuniui ant uodegos*» (Parulskis. Murmanti siena);

– рус. *козел отпущения* (искупления) – лит. *atpirkimo (atlaidy) ožys* «человек, на которого постоянно сваливают чужую вину, несущий ответственность за чужие поступки, чужие обязанности»: «Да-с, вам легко говорить, – возразил раздраженно товарищ прокурора, – а не угодно ли вам в нашу кожу влезть... когда в настоящую пору судебное ведомство служит *козлом отпущения* за все безобразия русской жизни...» (Маркевич. Бездна); «Girdėjau, kad jis skirtas būti savotišku tėvu *atpirkimo ožiui*»; «O anie du dar sėdės. Jų taip lengvai nepaimsi. Kažkas čia turi būti *atpirkimo ožys*, o tada ateis jis, Kazimieras» (Radzevičius. Priešaušrio vieškeliai). И значения, и компоненты в данных фразеологизмах русского и литовского языков абсолютно совпадают.

К этой же группе относятся фразеологизмы *как курица лапой* – *kaip višta su koja*, *как кошка с собакой* – *kaip šuo su kate*, *бить как собаку* – *mušti kaip šuo*, *вот где собака зарыта* – *štai kur šuo pakastas*, *волк в овечьей шкуре* – *vilkas avies kailyje*, *собака на сене* – *šuo ant šieno*, *морской волк* – *jūrinis vilkas*, *как от козла молока* – *kaip iš ožio pieno*, *вешать собак* – *šunis karti*, *лить крокодиловы слезы* – *krokodilo asaras lieti*, *медвежья услуга* – *meškos paslauga* и другие.

Вторую группу составляют фразеологизмы, одинаковые по значению, но различные по компонентам-зоонимам в составе, либо имеющие эквивалент, но без зоонима в составе. Примерами такого рода могут служить фразеологизмы рус. *мартовский кот* «бабник» и лит. *šunų agronomas* «агроном собак»¹. Происхождение литовского фразеологизма связывают с советским периодом, когда в образе агронома видели небогатого человека, работа которого была сезонной; так появился «сезонный возлюбленный», который, как и агроном, обладает всесторонними знаниями в своей области [5, с. 16]. Ср.: «*Šunų agronomas višiemis aiškino taip tvarkąs didžiausią Lietuvos demografinę bėdą – mažą gimstamumą*» («Kalvotoji»); «Влюбился... и бегал я за своей красавицей, как *мартовский кот*» (Засодимский. Перед потухшим камельком).

Следует отметить, что если в русском языке наименование животного в составе фразеологизма указывает на субъект (мужчину) – *кот*, то в литовском языке в составе фразеологизма находится объект воздействия – *собака*. Что важно, здесь сохраняется противопоставление мужского и женского начал.

Такой же характер соответствия мы наблюдаем во фразеологизмах рус. *собаку съел* и лит. *ant arklio ir po arkliu buvęs* (букв. «на коне и под конем побывавший») – «много всего видевший человек, с большим

¹ Здесь и далее перевод с литовского языка наш. – О. Г.

опытом». Ср.: «Дядя Ипатыч уважал “Карлу”, потому что по всякому фабричному делу «он собаку съел», особенно по доменному производству» (Мамин-Сибиряк. Под домной; «Jau ir ant arklio ir po arkliu buvau, dabar ne kiekvienas mane pagašdins» (Aputis. Vieškelių džipai).

Ко второй группе также относятся сочетания рус. *кот заплакал* – лит. *gaidžio ašara* (букв. «слеза петуха»), рус. *драть как сидорову козу* – лит. *tušti kaip šuo* («бить как собаку»), рус. *рабочая лошадь* – лит. *darbo kurtis* (букв. «рабочий крот»); рус. *как корова жевала* – лит. *šuns gerklėje buvęs* (букв. «бывший у собаки в горле»), рус. *черная кошка пробежала* – лит. *zuikis perbėgo kelią* (букв. «заяц перебежал дорогу»), рус. *как с цепи сорвался* – лит. *kaip grandininis šuo* («как цепной пес»); рус. *ни стыда, ни совести* – лит. *šuns akis turėti* (букв. «иметь собачьи глаза»); рус. *драть козла* – лит. *ožio balsu* («козлиный голос»), рус. *всякая жаба* – лит. *gipūžų maišas* (букв. «мешок жаб»); рус. *ослиный разум* – лит. *asilo galva* («ослиная голова»); рус. *шипучая змея* – лит. *kaip gyvatės įgeltas* («как ужаленный змеей») и другие.

В состав *третьей группы* входят фразеологизмы, разные по значениям, но одинаковые по компонентам-зоонимам. Интересной здесь представляется корреляция рус. *собачий хвост* и лит. *šuns uodega* («собачий хвост»). Сочетание *собачий хвост* в русском языке является названием «гребенника обыкновенного» – красивого злака, распространенного в Европе, западной Азии, северной Африке, на Канарских островах, похожего на хвост собаки. В литовском языке фразеологизм *šuns uodega* имеет значение «угодливый, льстивый человек, старающийся добиться расположения вышестоящего» (LKFŽ). Поведение заискивающего человека метафорически ассоциируется с поведением хвоста: движение хвоста собаки сигнализирует о ее настроении, это происходит под действием сигналов, посылаемых мозгом, а не по ее собственному желанию. В русском языке по отношению к льстивому человеку употребляется сочетание *ходить за кем-то «хвостиком»*.

Приведем еще несколько подобных примеров. Лит. *šuns pūga* (букв. «собачья метель») – «очень скверная погода» (LKFŽ): «O tai šunies pūga užkilo, netikėta atmaina!» (Šerelytė. Vardas tamsoje). В русском языке ему близок по значению фразеологизм *собачий холод* («очень сильный, доставляющий неудобства» (ФСРЯ)): «Утешайся тем, что все предугадать нельзя. Здесь *собачий холод*. Весна упрямо не приходит» (Вертинская. Синяя птица любви). Но между русским и литовским фразеологизмами существует весомое отличие: фразеологизм *šuns pūga* употребляется при наличии любой ненастной погоды (это не всегда мороз или хо-

лод). Употребление в составе устойчивых сочетаний именно номинации *собака* можно объяснить соответствующим поведением животного: во время дождя, мороза она сворачиваются клубком и не покидает жилища.

Рус. *быть на коне* — лит. *kaip ant žirgo pasodintas* (букв. «как на коня посаженный»). Литовский фразеологизм характеризует положительное эмоциональное состояние, «хорошее настроение» (LKFŽ); это значение имеет также фразеологизм *kaip žirgą gavęs* (букв. «будто коня получил»), а русский — «отличное положение человека, его дел» (ФСРЛЯ). В литовском языке это значение передает фразеологизм *kaip ant arklio joja* (букв. «как на коне скачет») — так говорят, когда дела идут хорошо: *Malonė ant keršo žirgo joja* (*Kunčinas. Užėjau pas draugą*).

К данной группе фразеологизмов можно отнести сочетания и с другими, реже встречающимися названиями животных. Отметим фразеологизм, в состав которого входит компонент «птица»: в русском языке *синяя птица* — «символ высшего счастья» (ФСРЯ). В литовском же языке фразеологизм *žydroji paukštė* (*синяя птица*) обозначает вдохновение (LKFŽ). Фразеологизм *как оса лезет в глаза* в русском языке имеет значение «назойливый человек» (ССРЯ), литовский фразеологизм *kaip vapsva į akis lenda* («как оса лезет в глаза») характеризует агрессивную женщину (FŽ). Русское сочетание *рыбья кровь* означает равнодушного к людям, спокойного, хладнокровного человека (ФСРЯ). В литовском языке оборот *živies kraujo* («рыбья кровь») имеет значение «тихий человек со спокойным нравом» (FŽ).

Четвертую группу составляют фразеологизмы, наиболее ярко передающие языковую и культурную специфику конкретного народа. К уникальным фразеологизмам русского языка, не встречающимся в литовском языке, можно отнести следующие: *петлять как заяц* (буквальный перевод *kreivuliuoti zuikiui*) — «об очень изворотливом человеке, стремящемся обмануть кого-либо, скрыть свои истинные замыслы»; *вильнуть умом, как нес хвостом* (*vikstelėti protu, kaip šuo uodega*) — «об изворачивающемся, прибегающем к изощренным уловкам человеке»; *как нес смрадный* (*kaip dvokiantis šuo*) — «о мерзком, гнусном и подлом человеке»; *как собака на заборе* (*kaip šuo ant tvoros*) — «о том, кто неуклюже, неумело сидит в седле» (ССРЯ); *собачья радость* (*šuns džiaugsmas*) — 1) «колбаса самого низкого качества, сорта», 2) «вареная требуха, сычуг, печенька, легкие, сердце» (ФСРЯ); *ободрать как волк овцу* (*nulupti kaip vilkas avį*) — «о безжалостном ограблении или жестокой эксплуатации»; *слаб как вареный петух* (*silpnas kaip virtas gaidys*) — «об очень слабым, вялом человеке»; *стоять как петух на насесте* (*stovėti kaip gaidys ant laktos*) — «о неподвижно и долго стоящем человеке» (ССРЯ).

В литовском языке это фразеологизмы, в состав которых входят диалектные слова, имена и фамилии, связанные с народной мифологией, сказками, легендами, обычаями: *kudlas raižyti šuniui* («резать собакам *памль*») «шуметь»; *šunų veseilia* («собачья *свадьба*») – «громкий шум» (FŽ); *šuns litaniją giedoti* («собачью *молитву* петь») «зевнуть»; *šuns zakristija* («собачья *ризница*») шутол. «стол» (LFŽ); *Perkūno oželis* («козленок Перкунаса» – бога-громовержца) «бекас», небольшая птица с очень длинным, прямым и острым клювом (LKFŽ); *kaip Samuolio bitės* («как Самуилова пчела») «о рассеянном человеке» (LFŽ). Это также фразеологизмы *šuns duona, pyragas* («собачий хлеб, пирог») «нищета» (FŽ); *šuns maltuvė* («собачья мельница») «тюрьма»; *kaip iš kalės uodegos* («как из сучьего хвоста») «проворный, ловкий человек» (LKFŽ); *šuns dantys* («собачьи зубы») «сплетник» (FŽ), *kaip ožys į varlę* («как козел на лягушку») «уставиться, пристально смотреть, не отводя взгляда» (LKFŽ) и т. д.

Среди литовских фразеологизмов достаточно много единиц, характеризующих родственные, семейные отношения и не имеющих в русском языке буквального соответствия. Например, в литовском языке распространены фразеологизмы о соблазненных девушках: *ožys suėdė rūtas* («козел съел руту»). Рута – вечнозеленая душистая трава с ярко-желтыми цветками, которую едят козлы: метафоричность фразеологизма сводится к тому, что мужчина соблазняет, губит молодую, цветущую девушку. *Numesti kaip vištą nuo laktos* («сбросить курицу с наеста») – «о девушке, оставленной после помолвки» при характеристике неожиданности данного положения (LKFŽ).

Ožius gainioti papėkliais («гонять козлов у болота») – «быть старой девой» (LKFŽ), а фразеологизм *ožiu smirdėti* («вонять козлом») употребляется «по отношению к мужчине, который является вечным, старым холостяком» (FŽ). Данный факт можно объяснить тем, что у козлов специфический запах говорит о возрасте, плохом здоровье и о готовности к случке (в брачный период козлы употребляют мочу, а избыток токсинов выводится через потовые железы, что, естественно, придает животному еще более неприятный запах) [4].

Фразеологизм *ir nors už ožio* («хотя бы за козла») – «лишь бы выйти замуж» (FŽ): употребляется по отношению к девушке, которая долгое время не может выйти замуж. Примечательно, что для характеристики отношений мужчины и женщины используются чаще всего такие животные, как *коза* (*ožka*) и *козел* (*ožys*), то есть соотношение самец / самка во фразеологизмах такого рода существует.

В литовском языке является весьма частотным и другой фразеологизм, не имеющий аналога в русском языке, — *vilkas užšiko gerklę* («волк обгадил горло») — «очень испугавшись, не выговорить ни слова» (LFŽ).

Уникальным в литовской фразеологической системе выступает сочетание *še tau šunie Devintinės* (букв. «ах ты собака на Девятины») «выражение удивления, разочарования» (FŽ): происходит из обычая во время поминальной трапезы на девятый день после смерти давать просящим животным части со стола, чтобы они «поучаствовали» в прощании [6, с. 16]: «*Še tau šunie devintinės... Pinigus sukišusi, plika brukasi man ant senatvės*» (*Granauskas. Novelės*).

Семантика компонента-зоонима, безусловно, влияет на общее значение устойчивого сочетания. Проведенный сопоставительный анализ русских и литовских фразеологизмов с компонентом-зоонимом позволяет сделать вывод о том, что не все наименования животных имеют одинаковую семантику в русском и литовском языках. При этом содержательная область названий животных и частотность их употребления во фразеологии непосредственно связаны со значимостью того или иного животного в национальной культурной традиции.

Кроме того, активность тех или иных названий животных может быть обусловлена как внеязыковыми факторами, так и лексико-семантическими свойствами соответствующих зоонимов. Одни и те же наименования животных могут реализовываться в составе устойчивых выражений по-разному: их семантика может совпадать или одни и те же явления культурной жизни этноса могут ассоциироваться с самыми разными объектами животного мира. Таким образом, мотив выбора образов для сравнений определен как опытным восприятием животных, так и магическими, религиозными функциями, которыми они наделяются в разных культурах.

Список литературы

1. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1976.
2. Гудавичюс А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс, 1985.
3. Зайнуллина Л. М. Композиционная семантика производного слова (на материале английского, немецкого, русского, башкирского и французского языков). Уфа, 2005.
4. Лазовский А. А. Приусадебное разведение овец и коз. Минск, 1992.
5. Lyberis A. Kur šuo pakastas. Vilnius, 1968. № 5.
6. Sasnauskas V. Vaikučių kalendorius. Pavasaris. Kaunas, 2008.

Список сокращений

- ССРЯ – *Словарь сравнений русского языка*. СПб., 2003.
ФСРЯ – *Фразеологический словарь русского языка*. М., 1978.
ФСРЛЯ – *Фразеологический словарь русского языка* / под ред. А.И. Молоткова. М., 1997.
FŽ – *Paulauskas J. Frazeologijos žodynas*. Vilnius, 2001.
LFŽ – *Lietuvių kalbos žodynas XIX*. Vilnius, 1999.
LRKŽ – *Lyberis A. Lietuvių-rusų kalbų žodinas*. Vilnius, 2001.

Olga Golubenko

THE FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ZOONYM COMPONENTS IN THE RUSSIAN AND LITHUANIAN LANGUAGES

This article considers the semantics of Russian and Lithuanian zoonym phraseological units and performs their semantic and structural systematisation. The author identifies the cultural linguistic features of fixed expressions containing a zoonym component in the worldview of native speakers.

Key words: *zoonym, semantic content, phraseology, Russian language, Lithuanian language, worldview, ideographic description.*